

Мироносицкий Порфирий Петрович

**Дневник учителя церковно-
приходской школы**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
П60

П60 **Порфирий Петрович М.**
Дневник учителя церковно-приходской школы / Мироносицкий Порфирий
Петрович – М.: Книга по Требованию, 2026. – 229 с.

ISBN 978-5-519-96771-6

ISBN 978-5-519-96771-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

меекъ. Кромѣ того, по заказу сдѣлалъ намъ столяръ 3 стола. Но все-таки мало мебели. Посылали сегодня подводу въ Вороновскую школу: оттуда прислали еще три лишнихъ стола.

Идетъ пріемъ учениковъ въ школу грамоты и во второй классъ. Въ школу грамоты привели 30 чело-вѣкъ, въ томъ числѣ 10 дѣвочекъ. Во второй классъ явилось 19 человекъ, въ томъ числѣ 8—нашихъ, а остальные изъ окрестныхъ селъ.

Завтра молебень предъ началомъ ученія.

21-го ноября. 15-го былъ молебень, а 16-го нача-лось ученье. Начали, слава Богу, хорошо,—радостно и съ свѣтлыми надеждами на будущее. Ученики—„чужестранцы“, т. е. иноприходніе, взялись за дѣло весело. Только одинъ струсилъ и на другой день ученья убѣжалъ въ свою Вороновку, сказавши сестрѣ, у которой онъ поселился, что ужасно соскучился. Вчера его привезли назадъ и водворили на квартиру.

Къ концу недѣли начали обнаруживаться и грѣхи. Нѣкоторые изъ поступившихъ забыли все, что зна-ли,—особенно по ариѳметикѣ, даже—таблицу умно-женія. Въ пятницу одинъ со слезами объявилъ мнѣ, что не можетъ поспѣвать за товарищами. Онъ сдалъ школьныя книги и удалился къ своимъ крестьянскимъ работамъ.

Съ перваго же дня при школѣ устроилось обще-житіе для второклассниковъ. Это сдѣлалось какъ-то са-мо-собою, по необходимости. Отцамъ некуда было посе-лить сыновей, привезенныхъ во второй классъ: квартиру въ селѣ трудно найти и дорого,—всѣ жалуются на бѣд-ность.—„Вотъ кабы вы сами ихъ тутъ при школѣ при-строили“—говорятъ намъ. Мы сознаемъ, что это было

бы весьма удобно и въ учебномъ, и въ воспитательномъ отношеніи. Хотимъ сдѣлать опытъ. На первый разъ ребята привезли съ собою только по караваю хлѣба,—больше ничего. Отцы говорятъ: „они у насъ и дома-то ничего, кромѣ хлѣба, не ѣдятъ. Да и то слава Богу: а то—лебеду—по нынѣшнимъ годамъ“. Только одинъ привезъ пудъ муки, 10 фунтовъ пшена и $\frac{1}{4}$ фунта масла постнаго.—Въ истекшую недѣлю мы кормили 6 человѣкъ своими припасами,—дѣлали опытъ: сколько чего выйдетъ въ мѣсяцъ на человѣка. Теперь мы рѣшили, что до Рождества (постный мѣсяцъ) на каждого ученика нужно: 1 пудъ муки, 1 фунтъ масла, 1 пудъ картофеля, $\frac{1}{2}$ пуда пшена и 5 фунтовъ гороху (для щей). Всей провизіи выйдетъ на два рубля. Къ этому прибавляемъ на жалованье кухаркѣ, на керосинъ и на разные мелочные расходы по кухнѣ (горшки, ложки, ухваты, лукъ, соль и т. п.)—на все 20 копѣекъ въ мѣсяцъ. Итого—2 рубля 20 копѣекъ въ мѣсяцъ съ человѣка. Эту цифру мы объявляемъ и отцамъ. Одинъ изъ нихъ—мордвинъ, староста, нашелъ ее очень подходящей: „и не обидно, и для ребятъ хорошо: по нынѣшнему году эта ѣда—дворянская“.

Съ будущей недѣли будемъ принимать по этой таксѣ провизію и деньги.

По естественному ходу дѣла общежитіе главной своею тяжестью — хозяйственной стороною — ляжетъ на плечи нашей матушки: мы не опыты и не имѣемъ досуга, чтобы вникать въ эту сторону дѣла. Хотя матушка очень сдержанна въ выраженіи своихъ чувствъ, но въ данномъ случаѣ по всему видно, что она хочетъ принять дѣло близко къ сердцу. На дняхъ она была

очень занята отысканіемъ подходящей бабы на должность „школьной кухарки“. Наконецъ, вчера окончательно наняли одну вдову, очень нуждающуюся въ кускѣ хлѣба и женщину работающую. Мы ее въ шутку называемъ „классной дамой“. Она будетъ жить въ нашей кухнѣ, а готовить пищу въ сторожкѣ,—гдѣ и школа грамоты. Чтобъ она не мѣшала намъ учиться, мы строго наказали ей, чтобы до 9 часовъ она оканчивала свою стряпню.

Тотчасъ послѣ окончанія уроковъ, въ 3 часа, учебные столы въ школѣ грамоты сдвигаются нѣсколько къ сторонѣ; на первый планъ выдвигаютъ обѣденный столъ,—устраивается столовая. Второклассники-общжитники, пропѣвши „Отче нашъ“, садятся обѣдать. Дежурный рѣжетъ хлѣбъ. Зиновья (кухарка) съ молитвой вынимаетъ изъ печки горшокъ и наливаетъ горячее: большею частію щи съ горохомъ, въ которыя ученики-мордовчата любятъ прибавлять еще хрѣну; затѣмъ слѣдуютъ картофель и каша.

Въ пять часовъ уже начинаются вечернія занятія, на которыя приходятъ и здѣшніе второклассники, живущіе въ домахъ отцовъ. Въ 8 часовъ — ужинъ въ той же „столовой“. Послѣ ужина переходятъ опять во второй классъ, гдѣ слушаемъ вечернюю молитву. Послѣ молитвы о чемъ-нибудь побесѣдуемъ и ложимся спать. Спали сначала по лавкамъ и скамейкамъ, но теперь устроили хорошее спанье въ сторожкѣ на полкахъ. Тамъ тепло.

Утромъ, вмѣстѣ съ солнцемъ, въ школѣ начинается жизнь... Рѣзвятся ребята. Радые учиться. Каждый день приводятъ новыхъ учениковъ въ школу грамоты, и мы уже стали отказывать—тѣснота страшная: на простран-

ствѣ 35 квадратныхъ аршинъ сидитъ 30 учениковъ.— Везутъ и во второй классъ. Сегодня привезли двоихъ изъ села III.

У перваго класса со вторымъ съ перваго же дня ученія началась война изъ-за прекрасной... песочницы... Первоклассники при перевозкѣ имущества позабыли въ старомъ классѣ свою песочницу, которая сдѣлана была ученику-кузнеченку отцомъ изъ большой жѣстяной коробки изъ-подъ карамели и которою пользовался весь классъ. Второклассникамъ песочница понравилась и они ею завладѣли. Каждое утро первоклассники въ полномъ составѣ отправляются изъ своей школы-избы къ старой школѣ и здѣсь, остановившись предъ крыльцомъ, посылаютъ повѣреннаго, который предлагаетъ, чтобы второклассники „честью“ возвратили похищенную песочницу. Конечно, тѣ ихъ прогоняютъ. И это каждое утро. Вчера только узналъ я, въ чемъ дѣло, и возвратилъ песочницу владѣльцамъ.

Сегодня — большой праздникъ. Въ церкви на лѣвомъ клиросѣ пѣлъ вновь набранный хоръ изъ перво-классниковъ и „школьниковъ“. Управлялъ имъ нашъ „вольнослушатель“ Захаръ, присланный изъ с. А. священникомъ поучиться пѣнію и приѣмамъ обученія грамотѣ. Для перваго раза ребята пѣли даже стройно, только очень тянутъ,—неповоротливы. Слава Богу, что, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые обнаружили хорошіе голоса и современемъ будутъ хорошими пѣвчими на правомъ клиросѣ.

А „правый“ хоръ я начинаю перерабатывать. Хочется изгнать „музыку“ разныхъ господъ композиторовъ и ограничиться одними переложеніями древнихъ, церковныхъ напѣвовъ. Для перваго раза сегодня пѣли

тропарь и величаніе Введенію изъ переложеній А. А. Архангельскаго. Намъ нравятся эти переложенія: очень яркая основная церковная мелодія и легкіе, прозрачные аккорды.

22 ноября, въ воскресенье, во время обѣдни привезли еще ученика изъ Ш., а послѣ обѣда еще двоихъ—изъ селъ Г. и Ш. Вечеромъ мы въ двое рукъ стригли новобранцевъ подъ гребенку, гладко: для общежитія это необходимо.

Въ обѣдню опять пѣлъ новый хоръ — и уже лучше вчерашняго. Скоро будутъ пѣть по-настоящему, и тогда будемъ изучать утреню.

23 ноября. На обученіе церковному пѣнію обращено у насъ особенное вниманіе: уроки пѣнія — мои любимые уроки, — ими я начинаю и оканчиваю учебный день. Утромъ, отъ 9—10, я преподаю пѣніе въ первомъ классѣ, а отъ 2—3 — во второмъ. Методику преподаванія приходится изобрѣтать свою. Съ первыхъ же уроковъ я началъ учить писать ноты, чтобы пропѣтый звукъ не былъ для ученика чѣмъ-то отвлеченнымъ. Сегодня просматривалъ я бѣловыя нотныя тетради 2-го класса и остался ими доволенъ. Буду собирать ихъ для просмотра каждую субботу.

Первое время обученія я рѣшилъ посвятить на пріученіе ребятъ къ счету моментовъ времени, т. е. изученіе длительности нотъ, не касаясь ихъ высоты. На это обыкновенно обращается мало вниманія: обыкновенно начинаютъ учить пѣть съ „нотной азбуки“ и такимъ образомъ даютъ ученику сразу двѣ трудности—запомнить интерваллы и исполнять продолжительность нотъ. Я думаю, что интерваллы—дѣло второстепенной важности, лишь бы ученики привыкли раздѣлять музы-

кальное время на равные моменты и выдерживать ихъ.

Одновременно съ элементарной теоріей пѣнія, я обучаю учениковъ съ голоса церковнымъ напѣвамъ, т. е. осмогласію, начавъ съ простѣйшаго мотива— „Богъ Господь и явился намъ“ гл. 8.

24-го ноября братъ заболѣлъ—лежитъ въ постели. Въ селѣ это—бѣда: тридцать человѣкъ должны учиться кое-какъ. Я отрядилъ въ первый классъ псаломщика, а самъ занимался сразу и во 2 классѣ и въ школѣ грамоты,—черезъ сѣни. Въ послѣдней мнѣ помогаютъ трое очередныхъ второклассниковъ.

26 ноября. Въ теченіе этой недѣли ученіе идетъ при крайне неблагоприятныхъ условіяхъ. Съ воскресенья братъ лежитъ въ постели, — не можетъ даже повернуться. Я преподаю во второмъ классѣ и въ школѣ грамоты одновременно. Спасибо, Захаръ-вольнослушатель помогаетъ мнѣ: онъ все-таки большой человѣкъ и при немъ — полная дисциплина, при маленькихъ же второклассникахъ школьники поднимаютъ шумъ, не то, чтобы шалать, а слишкомъ свободно разговариваютъ и между собою, и съ „учителемъ“.

Вечеромъ прихожу на вечернія занятія въ школу. Лампа горитъ однимъ узенькимъ языкомъ. Не умѣютъ исправить и сидятъ въ полумракѣ. Послалъ за ножницами и обрѣзалъ фитиль. Стало хорошо, свѣтло. Рѣшительно за всѣмъ нужно слѣдить самому.

Страшно насмѣшилъ всѣхъ мордвинъ Алексѣй К. Онъ взялъ со стола ножницы, которыми я обрѣзывалъ фитиль, и сталъ примѣривать, какъ хорошо бы было этими ножницами стричься. Мы еще не успѣли обратиться на него вниманія, какъ онъ выстригъ себѣ двѣ полосы отъ лба до затылка и обезобразилъ свою

голову, и до этого гладко остриженную. Насилу я успокоилъ ребятъ: покатались со смѣха. Да и нельзя было не смѣяться, глядя на фигуру К. Ему и самому смѣшно, но и смѣется онъ странно: разинетъ только ротъ, и ни одного звука.

Съ мордовчатами бѣда. Вчера цѣлый день воевалъ съ ними изъ-за подсолнечныхъ зеренъ: накупили полные карманы и сорять, гдѣ попало,—даже въ классѣ.

28 ноября. Кончилась незадачная недѣля. Слѣдующую начнемъ съ обновленными силами. Братъ всталъ съ постели и нынѣ занимался уже на одномъ урокѣ въ школѣ грамоты.

Понемножку начинаютъ опредѣляться разныя фizioноміи и въ школѣ грамоты. Съ первыхъ дней ребята какъ-то всѣ одинаковы, безцвѣтны, какъ куски необработанной руды. Но съ каждымъ днемъ замѣчаешь, какъ начинаетъ отражаться на лицѣ напряженная умственная работа: глазки глядятъ сознательнѣе, и по всему лицу видно, что безжизненное тѣло начинаетъ вдохновляться „дыханіемъ жизни“. Учители городскихъ школъ не наблюдаютъ этой картины: тамъ ученики являются уже развернувшимися цвѣтками. Въ сельскихъ школахъ такіе — рѣдкость. Такой рѣдкій экземпляръ есть у насъ въ школѣ грамоты: это — Кирѣкъ, самый маленькій изъ своихъ товарищей, мальчонка съ большой головой. Когда его записывали въ школу, пришедшіе съ нимъ первоклассники сказали, что онъ знаетъ заповѣди. Мы его испытали. Читаетъ безъ ошибки всѣ заповѣди — „Кто тебя научилъ?“ — спросилъ я. — „Тятя!“ — отвѣтилъ онъ. Спросили еще нѣкоторыя молитвы, — и молитвы знаетъ. Братъ далъ ему въ награду образокъ Богородицы. Какъ-то онъ будетъ учиться?

Сегодня—суббота. Мы дѣлаемъ неполные уроки, чтобъ раньше отпустить ребятъ домой—убираться передъ праздникомъ. Четвертый урокъ употребляется на спѣвки. Пѣли литургію въ переложеніи Георгіевскаго и начали разучивать *молебное пѣніе Пресвятой Богородицы* въ переложеніи Д. Н. Соловьева. Прелестная, умилительная музыка. Когда-то придетъ время—и придетъ-ли, что всѣ мои ребята будутъ пѣть эти переложенія?

На второмъ урокѣ я преподавалъ отечественную исторію. Ужасно она интересуется дѣтей. Слушаютъ, затаивъ дыханіе. Но жаль, что у насъ нѣтъ ни одного учебника.

Вечеромъ, передъ баней, братъ въ сотый разъ подклеивалъ и подбѣливалъ стѣны убогой нашей школы. Я хоть и подсмѣиваюсь надъ нимъ, называя его „декораторомъ“, но сознаюсь, что пріятнѣе сидѣть въ побѣленной школѣ: чувствуется, что въ ней есть хозяинъ, что она кому-то мила и дорога; и самому становится она вдвое дороже.

Съ однимъ второклассникомъ-мордвиненкомъ вечеромъ ѣздилъ въ сосѣднюю школу. Дорогой онъ училъ меня говорить по-мордовски. Разсказывалъ, какъ у нихъ въ III. поютъ: „все по нотамъ“.—Какую же вы пѣли херувимскую?“—спросилъ я; и онъ отвѣтилъ: „и шестого и седьмого номера“. Я такъ и зналъ! Бѣдный Бортнянскій! Отъ кого только ему не достается!

29 ноября, воскресенье. Алексѣй К. — какой-то особенный. Во время вечернихъ занятій я не могу усадить его около лампы, гдѣ занимаются всѣ ученики. Онъ все забивается въ самый уголъ класса,

гдѣ полный полумракъ.— „Мнѣ здѣсь лучше!“ — скажетъ, и продолжаетъ свою работу. Недавно я повѣсилъ на стѣнѣ въ классѣ листокъ, на которомъ написаны молитвы полууставомъ отъ руки, весьма изящно. — „Вотъ и вы,—говорю,—такъ бы выучились писать!“ Вчера вечеромъ прихожу въ школу... Одни бѣлятъ стѣны, другіе рѣжутъ бумагу для подклейки и въ то же время рѣшаютъ ариѳметическія „загадки“, К. сидитъ въ своемъ углу, склонившись надъ чѣмъ-то. Подхожу—и что же? Онъ, пыхтя и потѣя, снимаетъ копію съ того полуустава, который я повѣсилъ на стѣнѣ. Я послѣдилъ за его работой. Онъ поминутно отрывается отъ своего листка бумаги; посмотритъ и сбоку, и сверху, и все повторяетъ: „нѣтъ не гоже“.

Послѣ обѣдни получилъ письмо отъ того священника, который прислалъ Захара-вольнотрушателя. Пишетъ: „въ д. С., вѣроятно, откроется школа грамоты. Съ нѣкоторыми прихожанами я уже говорилъ объ этомъ, и они приняли мое предложеніе съ радостью. Завтра будетъ сходъ въ С., рѣчь будетъ о школѣ, и, можетъ быть, Богъ дастъ, дѣло устроится. Учителемъ хочу сдѣлать Захара, а мы съ учителемъ земской школы разъ въ недѣлю будемъ навѣщать его. Пока Захаръ у васъ, познакомьте его съ приемами обученія грамотѣ; пусть онъ каждый день бываетъ въ вашей приготовительной школѣ и пріучается. На него я возлагаю большія надежды. Онъ долженъ возродить у меня церковное пѣніе, и досадно будетъ, если я въ немъ разочаруюсь. Чтобъ держать его постоянно при себѣ и въ рукахъ, я и хочу дать ему школу. Приготовьте изъ него учителя, а потомъ пріѣзжайте взглянуть на дѣло рукъ вашихъ“.

Пріятно получать такія письма. Они возбуждаютъ энергію, ибо видишь, что дѣлаешь не безплодное дѣло.

Сейчасъ происходила любопытная сцена у насъ въ кухнѣ. Мордвинъ привезъ сына во второй классъ. Мы отказывались принять, потому что учились уже двѣ недѣли, а съ отставшими—мученье.

— Никакъ нельзя? спросилъ мордвинъ послѣ всѣхъ моихъ разъясненій.

— Никакъ! отвѣтилъ я твердо.

— Ну, теперь опять плакать будетъ парнишка!—сказалъ онъ безнадежно и упавшимъ голосомъ.

— Да ты привезъ, что-ль, его?—спросилъ я. Мнѣ просто стало жаль этого лохматаго подслѣповатаго мужика, столь огорченнаго неудачей. Мальчика въ кухнѣ не было.

— Здѣсь, здѣсь. Онъ у воротъ. Я сейчасъ!—заговорилъ мордвинъ, оживившись, и быстро вышелъ изъ избы.

Черезъ минуточку онъ воротился съ мальчикомъ. Приличный мордвиненокъ. Я поиспыталъ его въ знаніи предметовъ. Не изъ бойкихъ. Но въ глазахъ у него стояли слезы; онъ очень напуганъ. Казалось жестокимъ отпустить его съ миромъ домой. Я спросилъ отца о содержаніи. Онъ сказалъ: „какъ люди, такъ и я!“ Я опять заговорилъ о томъ, что поздно, и что едва-ли мальчикъ поспѣетъ за товарищами.

— Ей-Богу, — побожился мордвинъ, — мы вчера только узнали.—Ей-Богу!—повторилъ онъ и вдругъ совершенно неожиданно для меня, опустился предо мной на колѣни, а за нимъ и мальчикъ. Я не зналъ, что и дѣлать...